

ТЕРРОРИСТ-СМЕРТНИК: КУЛЬТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КОРНИ ЯВЛЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЕКЦИИ

Мельникова Алла Александровна — доктор культурологии, доцент, профессор кафедры социальной психологии.

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов.

Российская Федерация, 192238 Санкт-Петербург, ул. Фучика, д. 15.

Электронная почта: 88alla88@mail.ru

Аннотация. Одна из форм проявления терроризма — через террориста-смертника. Анализ культурных и психологических корней суицидального терроризма показывает наличие как культурно-специфичных, так и общекультурных оснований, которые в той или иной степени способствуют эскалации данного явления. К последним, в частности, относятся мортитария — культ героической смерти, а также описанная Э. Фроммом некрофилия. При этом в статье не только анализируются те основания, которые были характерны для терроризма в разное время его существования (низкостатусное положение группы, к которой принадлежит индивид, ее изолированность, религиозное и культурное одобрение террора, возрастная предрасположенность и т.д.), но и исследуется современная специфика. Помимо культурных и исторических истоков, а также сравнительного анализа явления, описываются современные способы вербовки террористов-смертников через Интернет. Раскрываются психологические состояния, характеристики личности, ее политические взгляды, на которые обращает внимание вербовщик, и анализируются алгоритмы действий завербованного как в целом

(от начала до окончания процесса вербовки), так и в соотнесенности с тем или иным состоянием, характеристикой личности, ее политическими взглядами.

Ключевые слова: террорист-смертник, суицидальный терроризм, психология террориста, корни терроризма, некрофилия, мортилатрия, технологии вербовки террористов.

Ссылка для цитирования: Мельникова А.А. Террорист-смертник: культурно-психологические корни явления в исторической проекции // Человек. 2020. Т. 31, № 2. С. 118–127. DOI: 10.31857/S023620070009631-1.

А.А. Мельникова
Террорист-смертник: культурно-психологические корни явления в исторической проекции

Анализируя феномен терроризма, можно выделить как культурно-специфичные, так и общекультурные черты. К последним относится культурно-социальный комплекс, получивший название «мортилатрия»¹. Понятие означает культ смерти, совершенной во имя какой-либо высокой цели, причем смерть здесь может быть связана как с джихадом, так и поступком во благо торжества революции или национального освобождения.

Мортилатрия перекликается с некрофилией, проявляющей себя в тяге ко всему неживому, мертвому. При описании данного комплекса Э. Фромм подчеркивает, что некрофилы во многом являются продуктом машинной, технической цивилизации, которая, используя мощь современных масс-медиа, тиражирует по всем каналам разрушительное: конфликты, войны, всевозможные катастрофы, перестрелки, драки, погони, картины, запечатлевшие раненых и убитых. «Человек сам взращивает в себе комплексы некрофила. Немотивированная жестокость, безветрие души, дистрофия интуиции и чувств. Технизированный мир, мертвящая рутина бюрократии — вот приметы той среды, в которой обитает некрофил» [1, с. 13–14]. Анализируя личность некрофила, Фромм отмечает, что такой человек пессимистичен, равнодушен к страданиям других. При этом некрофил нередко убежден, что «единственный путь разрешения проблем и конфликтов — это насилие... оно — первый и последний (т.е. единственный) путь, на котором гордиев узел проблем оказывается разрубленным, а терпеливое развязывание новых узлов ни к чему не приводит» [6, с. 290]. Одна из крайних форм проявления некрофилии — самоубийство. Таким образом, образуется связь — насилие как путь разрешения

¹ Слово происходит от лат. *mors, mortis* — «смерть» и греч. *Λατρεία* — «поклоняться», «служить».

проблем (при равнодушии к страданиям других) и допустимое самоубийство.

Сравнивая морталитию и некрофилию, В.Б. Петухов устанавливает различия между ними: если у некрофила объектом интереса выступает любая смерть, то при морталитии в фокусе внимания оказывается смерть героическая, которая в глазах индивида идеализируется, романтизируется [3, с. 17]. Аппеллирующая к благородным порывам справедливости и героическим идеалам, морталития выглядит весьма привлекательно для смертника. Во-первых, для него теракт служит в том числе и средством повышения своего статуса как в собственных глазах, так и в глазах окружения. Во-вторых, апелляция к справедливости создает иллюзию возможности изменить мнение общественности и активно используется террористами, которые в своих заявлениях стремятся представить себя борцами за справедливость, героями-освободителями.

Какие мотивы подталкивают человека к тому, чтобы стать террористом-смертником? Анализ показывает: поскольку суицидальный терроризм имеет длительную историю, часть мотивов также воспроизводится в истории. По мнению исследователей [см.: 12], к ним относится низкостатусное положение группы, с которой себя идентифицирует террорист, причем надежда на то, что в ближайшем будущем произойдет социально-экономический подъем, отсутствует. Такое низкостатусное положение к тому же обычно сопровождается разрушением традиционной системы ценностей и норм. В указанных обстоятельствах суицидальный терроризм становится патриотическим актом помощи своей группе.

Еще один фактор — наличие религиозной и культурной поддержки. В исламе это идеология «джихада» и позитивное восприятие данного явления в культуре, к которой принадлежит террорист. Так, опрос 2001 года палестинцев показал, что одобряли действия террористов-смертников больше чем 70% опрошенных [14]. К этому добавляется и уважение к роду: обычно источники подчеркивают материальную сторону (финансирование семьи смертника), но не менее важным является и оказываемое ей уважение.

Террористов, в том числе и террористов-смертников, характеризует убеждение в нелегитимности и несправедливости существующего порядка, необходимости социальных изменений. Указанные черты усиливаются искажением временной перспективы, при которой большая значимость придается либо прошлому (оно видится золотым веком сообществу, к которому принадлежит террорист), либо будущему (которое представляется в виде неопределенной идеализированной картинки) [9; 15]. Незначимость

в данном контексте настоящего приводит к обесцениваю в том числе и жизни — как своей, так и чужой.

Параллелью с терроризмом конца XIX – начала XX века выступает следующая особенность: именно наличие определенной социальной группы, общности, которой приписывается ответственность за существующее негативное положение дел, формирует собственную идентичность террориста, отрицающего ценности и нормы этой группы [13]. Иными словами, формирование ценностей у террориста происходит в большей степени за счет отталкивания от ценностей неприемлемой для него группы, нежели своей культурной общности, в которой, как правило, такие негативные установки могут существовать в целом как общественные настроения, но не быть столь жесткими и агрессивными.

При этом изоляция группы, преследование ее членов приводят к сплоченности внутри нее, росту группового давления, усиливают влияние лидера. Кроме того, как результат преследований усиливается конспирация, делающая границы группы еще более непроницаемыми и укрепляющая вышеперечисленные эффекты. Развивается феномен группового мышления, характеризующийся размыванием ответственности, недооценкой последствий, туннельным видением, а также групповой поляризацией, при которой увеличивается вероятность принятия экстремальных, рискованных групповых решений [11].

Общая тенденция для развития терроризма в разные периоды его существования — доминирование в рядах террористов молодежи. Обращение к возрастной психологии помогает интерпретировать данный факт. Тенденция упрощать многогранный и сложный мир, сводить его к одной-двум идеям, видеть его полярным, двухполюсным (зло/добро) характерна для подросткового сознания. Казалось бы, это возраст несколько ранний для формирования террориста, однако не всегда подростковый период проходит успешно. В норме на выходе из подросткового периода личность вписывается в окружающий ее социум, овладевая широким ролевым спектром. Между тем такой процесс может сбить кризис социальной системы, который, накладываясь на двухполюсную систему ценностей подростка, тормозит его социальное взросление. Кроме того, в период кризиса сложнее найти для себя подходящую роль — старые ролевые нормативы разрушаются, новые еще только образуются, что также сбивает идущий у индивида процесс ролевой идентификации. При таком состоянии психики человек легче поддается влиянию вербовщика, а характерная для подростков идея неприятия взрослого мира легко трансформируется в идею уничтожения этого мира [10].

А.А. Мельникова
Террорист-смертник:
культурно-психологические
корни явления
в исторической
проекции

Что касается черт, присущих современному состоянию феномена, то наибольшей опасностью является сращение терроризма с Интернетом. Этот феномен получил название «электронный джихад», или «киберджихад» [8]. Интернет открыл перед террористами новые возможности: практически полное отсутствие цензуры со стороны государства, доступность, огромная аудитория, коммуникативная анонимность, быстрота при передаче информации, возможность комбинирования различных видов информации (аудио- и видеоматериалов, графической и текстовой). Вместе с тем специфика интернет-коммуникации дает возможность управлять восприятием, создавая тот образ, который в данный момент для данной аудитории наиболее продуктивен для ее рекрутирования.

Анализ различных форм проявления феномена электронного терроризма позволяет раскрыть его сущность, за которой просматривается ряд целей. Это изменение образа террориста за счет акцентировки религиозной основы, а также явно выраженные цели рекрутирования новых бойцов и сочувствующих, готовых оказать денежную поддержку. Для реализации названных целей как раз и используется тактика управления восприятием образа: сайты террористов выстраиваются по образцу сайтов легитимных организаций, причем большое внимание уделяется свободе слова и правам политзаключенных. Кроме того, большой удельный вес на таких сайтах занимает информация об истории арабского мира, ислама, исламских движений. При этом версии одних и тех же сайтов террористов на арабском и европейских языках значительно отличаются: ориентированный на собратьев по арабскому миру текст более жесткий, агрессивный, в то время как для европейской аудитории дается гораздо более мягкая версия, в которой в меньшей степени делается акцент на насилии.

Наряду с использованием Интернета для изменения образа террориста, в том числе террориста-смертника, через социальные сети осуществляется вербовка новых членов террористических организаций, причем по большей части именно смертников — согласно имеющейся статистике, вступающие в ряды террористов новообращенцы живут не более трех лет [7]. Первоначально вербовщик ищет подходящего кандидата — для этого исследуется контент интернет-форумов, блогов, сообществ на предмет обнаружения наиболее активных их участников. Затем изучается личная страничка найденного объекта в социальных сетях для определения его психологического состояния, умонастроения, то есть устанавливается онлайн-профиль человека.

Существуют определенные психологические характеристики личности, специфика ее межличностных отношений и особенности

осмысления мира, которые способствуют положительному исходу вербовки. Приведем их:

- к потенциальным клиентам для вербовки в террористы-смертники относятся люди с низкой самооценкой при постоянной, часто агрессивной готовности защищать свою личность;
- личностной особенностью потенциально вербуемых является наличие ощущения социальной несправедливости, при этом человек склонен причины своих жизненных неудач проецировать на своих близких или на общество/страну, в котором(ой) живет;
- подталкивает человека к общению с вербовщиками его отчужденность (отсутствие близкого круга друзей) или социальная изолированность (у индивида есть ощущение, что он находится на обочине жизни, у него отсутствует видение жизненной перспективы);
- при наличии отчужденности от близких или социальной изолированности у индивида в то же время выражена сильная потребность в принадлежности к значимой группе;
- под вербовку попадают люди, имеющие активную гражданскую позицию, ищущие справедливости и критикующие существующую в стране социальную систему [4].

Найдя потенциального кандидата, вербовщик начинает активизироваться: сначала ставит лайки под постами, потом добавляется в друзья, а затем вступает в переписку. «Прочитал твой пост о... Совершенно согласен с тобой. Давно думал на эту тему...» — так завязывается первый разговор. В целом, основными капканами, в которые попадают люди, оказываются идеология, тщеславие, избавление от одиночества и приобретение авторитетной поддержки, финансовые вопросы или компромат. Иными словами, при вербовке используется индивидуальный подход: ищущим справедливость укажут, как эту справедливость восстановить; тщеславным опишут героизм борьбы с врагами; одиноким обеспечат позитивную обратную связь с подчеркиванием их значимости, легендами о сплоченности новых друзей, их дружбе; человеку с явными финансовыми проблемами поведают о несправедливости того, что одни имеют все, другие — ничего, и пообещают материальную поддержку (даже могут ее реально оказать). Заполучив же компромат на человека, вербовщик меняет убеждения на угрозы, принимается шантажировать жертву. Что касается девушек, то еще одной темой в разговоре с ними становится рассказ о том, какой авторитет имеют боевики и насколько высоким уважением пользуются их жены [2, с. 182–184].

Проведя с потенциальным кандидатом некоторое время в переписке, вербовщик предлагает ему общаться в скайпе, где выводит человека на обсуждение «больных» для него тем (справедливость,

А.А. Мельникова
Террорист-смертник: культурно-психологические корни явления в исторической проекции

деньги, возможность проявить себя и пр.). Затем наступает этап самообразования человека в нужном направлении: рекомендуются определенная литература для чтения, сайты. Вербовщик рассказывает потенциальному кандидату легенду своей жизни, в которой проводит много параллелей с характеристиками кандидата, например: общая профессия, разочарованность жизнью (в то же время вербовщик сообщает, что сам уже нашел выход). Зачастую по прошествии некоторого времени разговор начинает вестись в режиме «скайп-конференция», то есть к диалогу подключаются «друзья» вербовщика. Такой способ общения усиливает воздействие на человека.

Первый шаг, который предлагается сделать человеку, — просто стать сочувствующим, разделяющим некоторые взгляды. Потом следуют мелкие, с виду безобидные поручения (передать посылку, встретить друга), далее — идеологически наполненные задания, на этом уровне виртуального характера (участие в одной-двух онлайн-акциях). На следующем этапе начинают говорить об уникальности, значимости, избранности человека и... предлагают съездить куда-то за границу, ибо внезапно возникла редкая возможность встретиться с каким-то важным, авторитетным человеком, которая вряд ли еще когда-то выпадет. Причем все это происходит в спешке, чтобы человек не имел времени подумать и его не успели остановить родные; в течение дня-двух человеку покупается билет, и он под присмотром одного из новых «друзей» выезжает за пределы страны. А дальше «пойманный на крючок» попадает под жесткий прессинг группового и индивидуального давления, в итоге — присяга на верность ИГ, принятие в ряды боевиков.

Подобная схема действий стандартна, в ней четко выделяются три этапа: первый — выявление потенциальной жертвы и сбор информации о ней; второй — установление и развитие непосредственного контакта, включающего несколько проверочных заданий; третий — непосредственное вовлечение человека в организацию, переход к реальной деятельности в новом статусе. И в этом процессе, как видим, активно задействованы интернет-ресурсы, потенциал которых активно используется для вербовки террористов-смертников [5].

Таким образом, можно констатировать следующее: в разные периоды истории и в различных культурных реалиях активизировались разнотипные составляющие терроризма, в том числе суицидального. В современной же ситуации мы наблюдаем одновременное присутствие всех этих составляющих с добавлением новых, ранее не выраженных или выраженных слабо, что актуализирует необходимость сплотить усилия для выработки

продуктивной стратегии противостояния этому чрезвычайно опасному новому гибриду терроризма.

Литература

1. Гуревич П.С. Разрушительное в человеке как тайна // Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994.
2. Деминова В.Ю. Психология вербовки девушек в исламское государство Ирака и Леванта посредством сети интернет // Проблемы правовой и технической защиты информации — 2016. Барнаул: Новый формат, 2016.
3. Петухов В.Б. Феномен терроризма в информационном пространстве культуры: автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2009.
4. Соснин В.А. Современный терроризм и проблема вербовки людей в террористические сети: психологические аспекты // Прикладная юридическая психология. 2015. № 4. С. 20–28.
5. Сундиев И.Ю. Информационные технологии в деятельности террористических и экстремистских организаций // Научный портал МВД России. 2011. № 4.
6. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994.
7. Шегаев И.С. Современный террористический рекрутинг: системы и принципы // Вестн. Мос. гос. обл. ун-та. 2016. № 1. С. 4.
8. Bunt G.R. Islam in the Digital Age: E-jihad, Online Fatwas and Cyber Islamic Environments. L.; Sterling: Pluto Press, 2003.
9. Crocker J., Major B. Social Stigma and Self-esteem: The Self-protective Properties of Stigma // Psychological Rev. 1989. Vol. 96. P. 608–630.
10. Emilsen W.W. Teenage Suicide Missions: The Role of Religion in the Recruitment of Young Suicide Bombers // Forum on Public Policy: A Journal of the Oxford Round Table. Summer 2008.
11. McCormick G.H. Terrorist Decision Making // Annual Rev. of Political Science. 2003. Vol. 6, N 1. P. 473–507.
12. Merari A. Driven to Death: Psychological and Social Aspects of Suicide Terrorism. Oxford, UK: Oxford Univ. Press, 2010.
13. Nail P.R., MacDonald G., Levy D.A. Proposal of a Four-dimensional Model of Social Response // Psychological Bulletin. 2000. Vol. 126. P. 554–470.
14. Soibelman M. Palestinian Suicide Bombers // Journal of Investigative Psychology and Offender Profiling. 2004. Vol. 1, iss. 3. P. 175–190.
15. Taylor D.M., Louis W. Terrorism and the Quest for Identity // Understanding Terrorism: Psychological Roots, Consequences and Interventions / F.M. Moghaddam, A.Y. Marsella (eds.). Wash., DC: American Psychological Association, 2004. P. 169–185.

А.А. Мельникова
Террорист-
смертник:
культурно-
психологические
корни явления
в исторической
проекции

Suicide Bombing: Cultural and Psychological Roots of the Phenomenon in the Historical Context

Alla A. Melnikova

DSc in Culturology, Associate Professor,
Professor of the Department of Social Psychology.
St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences.
15 Fuchika Str., St. Petersburg 192238, Russian Federation.
E-mail: 88alla88@mail.ru

For citation: Melnikova A.A. Suicide Bombing: Cultural and Psychological Roots of the Phenomenon in the Historical Context // Chelovek. 2020. Vol. 31. N 2. P. 118–127. DOI: 10.31857/S023620070009631-1.

References

7. Shegaev I.S. Sovremennyyi terroristicheskii rekruting: sistemy i principy [Modern Terrorist Recruitment: Systems and Principles]. *Bulletin of Moscow St. Regional Univ.* 2016. N 1. P. 4.
8. Bunt G.R. *Islam in the Digital Age: E-jihad, Online Fatwas and Cyber Islamic Environments*. London; Sterling: Pluto Press, 2003.
9. Crocker J., Major B. Social Stigma and Self-esteem: The Self-protective Properties of Stigma. *Psychological Rev.* 1989. Vol. 96. P. 608–630.
10. Emilsen W.W. Teenage Suicide Missions: The Role of Religion in the Recruitment of Young Suicide Bombers. *Forum on Public Policy: A Journal of the Oxford Round Table*. Summer 2008.
11. McCormick G.H. Terrorist Decision Making. *Annual Rev. of Political Science*. 2003. Vol. 6, N 1. P. 473–507.
12. Merari A. *Driven to Death: Psychological and Social Aspects of Suicide Terrorism*. Oxford, UK: Oxford Univ. Press, 2010.
13. Nail P.R., MacDonald G., Levy D.A. Proposal of a Four-dimensional Model of Social Response. *Psychological Bulletin*. 2000. Vol. 126. P. 554–470.
14. Soibelman M. Palestinian Suicide Bombers. *Journal of Investigative Psychology and Offender Profiling*. 2004. Vol. 1, iss. 3. P. 175–190.
15. Taylor D.M., Louis W. Terrorism and the Quest for Identity. *Understanding Terrorism: Psychological Roots, Consequences and Interventions*, F.M. Moghaddam, A.Y. Marsella (eds.). Washington, DC: American Psychological Association, 2004. P. 169–185.

А.А. Мельникова
Террорист-
смертник:
культурно-
психологические
корни явления
в исторической
проекции